

несчастливая женщина:
странствие

роман

Ифигения

Иль новый дом ты мне, отец, готовишь?

Агамемнон

Оставь — девице рано это знать.

Ифигения

Смотри ж: скорей вернись к нам, и с победой¹.

*Еврипид,
«Ифигения в Авлиде»*

¹ Перевод И. Анненского. — *Здесь и далее в романе примеч. А. Грызуновой*

Н...

*Пайн-Крик, Монтана
13 июля 1982 года*

Дорогая Н.,

Когда позвонил твой друг, я, конечно, был потрясен — точнее сказать, огорошен. Посидел у телефона, поглядел на него, а потом звякнул соседке М. и спросил, не хочет ли та арбуза. Я пару дней назад для одних тут посиделок купил арбуз, а съесть его мы так и не собрались, и остался я холостяком, у которого арбуза девать некуда.

Соседка ответила, что от арбуза не откажется. Может, я его принесу через полчаса и поужинаю с ними — с ней и Т., они как раз там вдвоем?

Я сказал — наверное, потому что звонил твой друг:

— Я прямо сейчас принесу. — Наверное, просто хотелось немедленно кого-нибудь увидеть.

— Ладно, — сказала соседка.

— Скоро приду, — сказал я.

Я открыл ледник, достал арбуз и пошел к соседке — это прямо по дороге, совсем недалеко. Я постучал в сетчатую дверь кухни. Соседка не открывала с минуту. Спустилась из спальни.

— Вот арбуз, — сказал я и положил его на кухонную столешницу.

— Да, — ответила соседка. Голос явно где-то вдалеке, а физическое присутствие сомнительно.

Что-то я хотел ей в этом арбузе показать, и пришлось ей достать нож и резать арбуз. Не важно, что именно я хотел показать, — соседка потом все равно оставалась сомнительна, буд-то не здесь была на самом деле, не со мною в кухне.

Я хотел немножко поговорить про звонок твоего друга, но тут от ее сомнений и растущего смущения сам засомневался и смутился.

Наконец — по-моему, минуты две всего прошло, — она сказала, глядя в пол:

— Я оставила Т. наверху, он там в постели ерзает.

Т. — мужчина.

Они занимались любовью, а мы с арбузом им помешали. Я тут же подумал: почему она подошла к телефону, если занималась любовью, а потом — почему не выдумала предлог, чтобы я сейчас не приходил? Ведь что угодно могла сказать, я бы зашел попозже, но она сказала — да, приходи.

В общем, я извинился и вернулся домой.

НЕСЧАСТЛИВАЯ ЖЕНЩИНА

Потом я подумал, что история вышла ужасно смешная, захотел тебе позвонить и рассказать, что со мной приключилось, — ты бы с твоим чувством юмора поняла, как никто. Ты как раз такие истории и любишь, ты бы в ответ хрипло, музыкально расхохоталась и, смеясь, сказала бы, например: «Ой, нет!»

Я сидел и смотрел на телефон, очень хотел тебе позвонить, но никак не мог, потому что после недавнего звонка твоего друга знал, что в четверг ты умерла.

Я сходил поговорить об этом к приятельнице, оторвав ее от занятий любовью. Арбуз — просто забавный предлог поговорить о моем горе, как-то понять, что я никогда больше не смогу позвонить тебе и рассказать, как сейчас начудил, хотя, по сути, одна ты с твоим чувством юмора такое и оценишь.

С любовью,

Р.

Никки Араи умерла от сердечного приступа
в Сан-Франциско 8 июля 1982 года.

Она страдала от рака,
и ее сердце просто перестало биться.

Ей было тридцать восемь лет.

Я обязательно буду по ней скучать.

Посреди тихого перекрестка в Гонолулу я увидел новенькую женскую туфлю. Коричневая туфля — мерцала, будто кожаный алмаз. Туфле незачем было вот так лежать — она не играла роль в трупке остаточных осколков автокатастрофы, и парад, по всей видимости, по перекрестку не ходил, так что история туфли навсегда пребудет загадкой.

А я сказал — ну, конечно, нет, — что у туфли не было пары? Одна туфля, одинокая, чуть ли не призрачная. Почему, если видишь одну туфлю, сразу как-то неловко, если поблизости нет другой? Начинаешь искать. Где же другая туфля? Наверняка ведь где-то здесь.

Это многообещающее начало я продолжу рассказом о странствии одного человека — таким географическим календарем свободного падения, которое началось будто бы много лет, а вообще-то несколько месяцев физического времени назад.

В конце сентября я на две недели уехал из Монтаны в Сан-Франциско, а потом опять на Вос-

ток, читать лекцию в Баффало, Нью-Йорк, а потом еще на неделю в Канаду. Я вернулся в Сан-Франциско, проторчал там три недели, а затем истощение финансов погнало меня через залив в Беркли.

Три недели я прожил в Беркли, а потом на несколько дней уехал на Аляску в Кетчикан, после чего полетел на одну ночь севернее, в Анкоридж. Наутро, очень рано, я бросил снега Анкориджа ради Гонолулу (пожалуйста, потерпите меня, пока я тут календарь заполняю), Гавайи, где прожил месяц, лишь на два дня посреди этого месяца съездив на остров Мауи. Затем вернулся в Гонолулу, закруглил свой визит и возвратился в Беркли, где и живу, ожидая поездки в Чикаго в середине февраля.

Теперь мы смутно представляем, куда в географическом календаре угодили, и можем перейти к самому странствию, а оно короче не становится, потому что мы и сюда-то вон сколько добирались, а ведь здесь, можно сказать, начинаем заново. Остается дивиться, что такого важного в одинокой женской туфле посреди перекрестка в Гонолулу и в одном человеке, который несколько месяцев мотается туда-сюда, вперед-назад, вдоль и поперек по всей Америке с кратким заездом в Канаду.

Надеюсь, скоро случится что-нибудь поинтереснее.

Не помешало бы.

Пожалуй, вот с чего начнем: я не хочу знать, в какой комнате она повесилась. Один человек, который знал, как-то раз начал было рассказывать, а я сказал, что знать не хочу. Человек был милый и не досказал. Так разговор и остался за кухонным столом незаконченным.

Мы ужинали, и я к тому же не хотел, чтобы у нас на ужин оказалось ее самоубийство. Не помню, что мы ели, но смерть несчастливой женщины никак не стала бы удачной приправой к нашей еде.

Не хочешь ведь в отделе специй в супермаркете между орегано, сладким базиликом, семенами кориандра, укропом и чесночным порошком обнаружить «смерть-через-повешение» на этикетке пузырька с ингредиентами чудовищных последствий и составом, гарантирующим гибель всей еды на корню.

Если готовишь сам, не захочешь добавлять смерть-через-повешение ни в какое блюдо, или если ужинаешь в гостях, и там подают съестное с уникальным вкусом, и ты спрашиваешь хозяина и кухарку, что это за вкус такой, а они тебе как ни в чем не бывало:

— А, это мы новую специю пробуем. Вкусно?

— Необычно. Что-то я ее не узнаю. Как называется?

— Смерть-через-повешение.

Пожалуй, теперь, когда я рассказываю про женщину, покончившую с собой, мы более или менее начали эту книгу — начало вполне сносное, уж получше раздумий об истории туфли на перекрестке в Гонолулу, и я способен и свободен мотаться по географическому календарю физических событий, слегка описанных в 4-м, 5-м и 6-м абзацах этого странствия.

Сегодня у меня день рождения.

Я вроде припоминаю давние вечеринки с любимыми и друзьями, но сегодня ничего подобного не будет. Я очень далек, я почти выслан из своей сентиментальности. Да и ничего тут не поделаться. Я просто знаю, что 46 мне уже не будет.

Будь я хоть пьяным поющим ирландцем в День святого Патрика, таким зеленым, что всю Австралию можно зеленью покрыть, как бильярдный стол, ни на ком это благотворно не скажется.

Что толку сообщать другим пассажирам утреннего поезда Беркли—Сан-Франциско — ни одного я никогда не видел и наверняка никогда не увижу, — что у меня сегодня день рождения?

Повернись я к совершенно постороннему человеку, что сидит рядом, пока мы едем в тоннеле под Заливом Сан-Франциско, а у нас над головами плавают рыбы, и скажи я:

— У меня сегодня день рождения. Мне сорок семь, — всем бы стало неловко.